

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.01

ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ И СМЫСЛОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Н.А. Бугрова (Кемерово)

Аннотация. Анализируются возможности и предпосылки формирования персонологической парадигмы в психологии. Показано, что психология остро нуждается в философской рефлексии парадигмальных трансформаций, их направленности на разрешение противоречий человеческого бытия. «Персонологический поворот», определившийся в современной философии, рассматривается как важнейшая предпосылка такой рефлексии. Персонологическая парадигма понимается как систематизирующая и интегрирующая весь парадигмальный опыт психологической науки.

Ключевые слова: методологический кризис в психологии; философская рефлексия; парадигма; парадигмальные трансформации; личность; персонологический дискурс.

Психологическая наука оказалась сегодня в ситуации сложного парадигмального выбора. На уровне рефлексии фиксируется не вполне благополучная ситуация, обозначаемая как очередной кризис ее методологических основ. В работах В.А. Мазилова, А.В. Юревича, М.С. Гусельцевой и других современных исследователей предлагаются различные варианты выхода из ситуации. Так, А.В. Юревич четко обозначил саму проблему изменения методологических ориентиров в психологических исследованиях. Согласно его позиции «практический поворот», или «технологический сдвиг», психологии дает основания зафиксировать формирование новой парадигмы – «технологической», потенциально способной послужить основой парадигмального синтеза, интеграции естественнонаучной и гуманитарной парадигм [22. С. 3]. М.С. Гусельцева полагает, что средством преодоления разрывов и антиномий могут стать постмодернизм, «играющий» стилями, постнеклассическая рациональность, нацеленная на проблемно-ориентированные исследования, и сетевой подход, устанавливающий взаимосвязь всего со всем [5. С. 5].

За обозначенными здесь позициями явно просвечивает актуальная сегодня не только для психологической науки тенденция на интегративность, на установление междисциплинарных, межпарадигмальных

ных связей, которые условно можно разделить на горизонтальные и вертикальные. В первом случае речь должна идти преимущественно о межпарадигмальных связях внутри научной области по принципу «тезис → антитезис → синтез». Подобное можно наблюдать в вышеприведенном подходе А.В. Юревича. В случае вертикальных связей акцент ставится на выстраивание междисциплинарной и межотраслевой иерархии, исходящей из выделения приоритетного направления исследований. По этому поводу в работе А. Пикока со ссылкой на современного исследователя мозга Р.У. Сперри констатируется: «У наук о поведении появились новые перспективы, и не только “вниз”, через когнитологию к нейронаукам, но и “вверх”, в направлении всех тех дисциплин и областей знания, которые рассматривают человеческое сознание как реальную сущность, достойную изучения и объяснения» [16. С. 270–271].

Такой весьма упрощенный абрис ситуации заставляет вновь обратиться к основной проблеме и занять по отношению к ней философскую «позицию внаходимости» (М.М. Бахтин), в которой, по видимому, она нуждается сейчас гораздо острее, чем во внутринаучном «переключении гештальта» (Т. Кун). С этой позиции сущность проблемы видится не в сомнении по поводу того, готова ли психология испытать востребованные эпохой технологического и информационного прогресса метаморфозы, а в принципиальной позиции, касающейся смыслового, ценностного измерения всех этих трансформаций. Именно философское осмысление, направленное на выявление болевых точек познания и бытия человека, позволяет четче определить точки приложения исследовательских усилий, смысловой горизонт дальнейшего прироста знания в психологической науке.

В настоящей статье представлена философская рефлексия обозначенной психологической проблематики, статья отчасти носит обзорный характер. При этом мы не претендуем на целостный охват проблемы парадигмальных изменений в психологии и не излагаем некоторую завершенную концепцию. Целью статьи является выявление основных аспектов проблемы парадигмальных трансформаций психологической науки и обоснование возможности формирования новой персонологической парадигмы психологии в контексте определившегося в современной философии «персонологического поворота». Термин «парадигма» будем понимать как модель постановки проблем, принятую в качестве образца решения исследовательских задач.

Психология как наука и проблема ее смыслового измерения.

Еще до того, как психология была поставлена в ряд с естественными (точными) науками, со стороны философии И. Кантом высказывались сомнения в ее состоятельности именно как рациональной науки. В итоге психологии удалось опровергнуть эти сомнения. Однако появление в конце XIX – начале XX в. эксперимента, математических измерений

не являлось простым отстаиванием права на научность, но в первую очередь ответом на запросы реальности. Сегодня складывается подобная ситуация, но требования к науке, в том числе и к психологии, возросли прежде всего по таким параметрам, как прогнозирование, проектирование, конструирование реальности. Не является случайностью появление на рубеже XX–XXI столетий философии возможного (М.Н. Эпштейн) как направления, сосредоточенного на оценке возможности модуса осмысления¹ [21], а также обсуждение перспектив конструктивного реализма – стратегии познания, основанной на «экологической теории восприятия» американского психолога Дж. Гибсона [10]. На наш взгляд, такие требования повышают значимость наличия в науке четких смысловых ориентиров.

И если на обсуждение выносится вопрос именно о технологических, практико-ориентированных трансформациях психологии, то вопрос о приоритете гуманитарной или естественнонаучной парадигмы не упраздняется; напротив, он потребует более пристального всматривания психологической науки в собственные смысловые основания. Кроме того, здесь возникает целый ряд сопутствующих вопросов, которые можно рассматривать и как аргументы в пользу рефлексии таковых оснований: в какой части психология (если учесть, что психологии как единой науки нет, а есть множество психологий) должна испытать технологическую трансформацию или она должна трансформироваться в целом? Какой «сверхзадаче» будет служить эта трансформация? И, что немаловажно, какую нишу должна будет занять, например, экзистенциальная психология как направление исследований, сосредоточенное на изучении «бытия живого человека» (Р. Мэй), которое невозможно объяснить за счет обусловливания, изучения дискретных механизмов?

Следует отметить также, что в отечественной психологической науке уже не одно десятилетие изучаются феномены, которые можно было бы позиционировать как пограничные, находящиеся как бы на границе парадигмальности и внепарадигмальности. К таковым относятся феномены неадаптивности, надситуативной активности (В.А. Петровский, А.Г. Асмолов), трансфинитности (В.А. Петровский), метаиндивидуальности (Л.Я. Дорфман), самодетерминации (Д.А. Леонтьев). Здесь «разрывы детерминации», выходы в пространство «надситуа-

¹ В работе «Философия возможного» М.Н. Эпштейн проводит идею о радикальной смене парадигмы философствования, осмысления, понимания и объяснения. По его словам, так же, как традиционная установка на осмысление сущего в Новое время была дополнена преимущественной ориентацией на должное, так и в наши дни рационалистический активизм, переживший в конце XX столетия кризис «научно-рационалистического» преобразования природы и общества, сменяется преимущественно пессимистическим модусом осмысления. Единственная задача мышления, которая из самого мышления вытекает, но к нему не сводится, понимается следующим образом: расширить границы мыслимого [21. С. 79].

тивности» вряд ли могут быть каким-то образом формализованы. Кроме того, есть и реальные опасности. А.Г. Асмолов указывает, в частности, на опасности «зомбификации», «фанатизма», во многом исходящие из специально разработанных культурных психотехнологий [2. С. 487].

В истории психологии время от времени возникали такие периоды, когда вопрос о ее смысловом измерении становился ключевым для дальнейшего развития не только психологического знания, но познания как такового. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в Новое время в связи с «эпистемологическим поворотом» философии. Именно психология явилась тогда своеобразной призмой, сквозь которую наиболее отчетливо прослеживалась неустойчивость установок классического рационализма. По словам Э. Гуссерля, намного раньше, чем все конкретные естественные науки ощутили потребность в методических реформах, проблематичность рационализации мира «сказалась в новой *натуралистической психологии*». Со времен Дж. Беркли и Д. Юма набрал силу парадоксальный скепсис, направляемый против образца рациональности. Подчиненные математике и физике области трактуются как психологические фикции. Сверхъестественные и успехи в образовавшихся научных областях при взгляде со стороны психологии, в области которой все эти свершения осуществлялись, стали совершенно непонятными [6. С. 99–101]. В итоге «психология оказалась несостоятельной, потому что упустила из виду *вопрос о смысле своей подлинной задачи* (курсив мой. – Н. Б.), соответствующей ее существу универсальной науки о психическом бытии» [Там же. С. 271]. Дуализм субстанций, задавший меру для физикалистского воззрения на человека, привел к «расщеплению» человека вплоть до превращения его в «чистый теоретический взор» (С.Л. Франк)².

Подобная ситуация сложилась и в XX столетии. Так, в отечественной науке трансформация психологического знания, осуществлявшаяся в противостоянии идеалистической и материалистической тенденций, привела к тому, что в качестве предмета изучения психология получила человека, утратившего не только онтологические, но и этические характеристики, трудно поддающиеся конечным определениям. Вопрос об универсальности человеческого бытия, об эквивалентности Человека и Мира оставался для психологии в определенном смысле закрытым. Так случилось и в 1980-х гг. в зарубежной когнитивной науке, когда когнитивная психология, увлекшись деталями, потеряла направление.

Обращаясь к области философии в поиске такого направления для современной психологии, следует рассматривать ее не как источ-

² А.С. Арсеньев обозначил этот период как «технологическое вырождение» философии [1. С. 63].

ник рецептов действия психолога, но «как источник преобразования его собственного сознания» [1. С. 356]. В конце XX столетия в современной философии определился «персонологический поворот». На наш взгляд, это может стать особой «точкой бифуркации» для открытия новых горизонтов в парадигмальном сознании психологов. Со стороны культурологии, философии констатируется, что в последние десятилетия усиливается процесс перемещения центра реальности в индивидуальное Я человеческой личности, именно личность полагается в основу открытия *возможного* в Бытии. Г.Л. Тульчинский, в частности, подчеркивает, что торжество постмодернистского мультикультурализма во всех сферах общественной жизни делает необходимым следующий шаг в поиске оснований бытия: «от феноменологии нормативно-ценностного разнообразия... к уяснению динамики смыслопорождения и роли в этих процессах самосознания личности» [19. С. 157]. Именно целостность личности рассматривается как единственная целостность в рассыпающемся мире социо-, экономико-, культуро- и других «центризмов», как источник, средство и результат социальной динамики. Как подчеркивает А. Пикок, сегодня намечается тенденция, в соответствии с которой научную ценность приобретает доминирование личностного компонента в иерархии многоуровневой структуры человека и мира, частью которого человек является [16. С. 271].

Но вместе с тем существуют и противоположные тенденции, во многом исходящие из самой реальности. Сегодня мы живем в обществе, в котором на основе информации образуются виртуальные формы реальности, создающие совершенно небывалые условия функционирования тела и духа. На смену субстанциализму как принципу объяснения бытия идут релятивизм и коннекционизм. Классическое сознание, включая и «неклассическое» (в его узком смысле), вытесняется постнеклассическим. Главное в нем – отказ от сложившихся в течение веков представлений о человеке и его месте в мире. От человека требуется отождествить себя с какими-то матрицами, принять такую матрицу как свою идентичность. Отсюда остро встают злободневные вопросы ситуации человека: о потере идентичности, о его обезличивании.

Психологическая наука, в дискурсе которой проблема личности и как таковая категория личности занимает центральное место, не может игнорировать все вышеобозначенные положительные и негативные тенденции. Нельзя не учитывать и тот факт, что психология как наука считается важнейшим связующим звеном между основными группами наук, что подчеркивалось Б.Г. Ананьевым, Б.М. Кедровым, Б.Ф. Ломовым, Ж. Пиаже, М. Бунге. Как отмечает Б.С. Братусь, «психология – наука *университетская*... она настолько контекстуальна, что выделить ее в некоем чистом, дистиллированном виде попросту невозможно» [17. С. 181]. К этому можно добавить мысль А.В. Брушлинского о том, что «психология человека относится к числу тех наук, которые создают

прочный фундамент для гуманизма» [3. С. 47]. Следовательно, на психологической науке лежит особая ответственность за собственные смысловые приоритеты, полагаемые в основу своего дальнейшего развития.

Личность в психологии: перспективы парадигмальных трансформаций. Проблема личности как таковая выкристаллизовалась и оказалась в центре внимания отечественной философии и науки в 70–80-е гг. XX столетия. Ее разработке посвящены многолетние исследования отечественных ученых, в частности, К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, Г.М. Андреевой, Е.А. Ануфриевой, В.Г. Афанасьева, Л.И. Божович, И.С. Кона, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, Л.П. Станкевича, И.Т. Фролова, которые приобрели большое значение для понимания человека как социального существа, связанного с обществом через систему социальных отношений и форм деятельности, формирующегося и изменяющегося под влиянием социальных условий. Следует заметить, что преемственность в изучении личности как целостности в отечественной психологии наглядно подтверждается трудами выдающихся русских философов второй половины XIX – начала XX в. В.В. Зеньковского, В.С. Соловьева, С.Л. Франка. В этом же ряду можно назвать и крупнейших отечественных ученых первой половины XX в. – Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.А. Ухтомского, Г.И. Челпанова.

Однако сегодня нередко можно встретить критичную оценку достижений в изучении личности на основе диалектико-материалистических принципов [3, 8]. Как подчеркивает В.П. Зинченко, с начала XX в. психология проделала большой путь: «рационализировала чудо личности, выделила в ней большое число свойств, ранжировала последние, научилась их измерять, тестировать, отнеслась к личности, как к вещи, притом не “чувственно-сверхчувственной” ...а как к вполне обыденной» [8. С. 113]. За пределами научных теорий остаются те тончайшие пласты человеческой психики, благодаря которым становится возможным построение глубинного онтологического отношения «Человек – Мир». В этом плане можно говорить об отсутствии даже самой направленности на так называемые «неразрешимые метафизические вопросы» бытия человека (С.Л. Франк).

Важно отметить, что в последние десятилетия происходит методологическая переориентация с анализа факторов становления личности, ее статусно-ролевых позиций в обществе на подходы интегративного характера [1, 14, 15, 17]. Новые тенденции обнаруживаются в системных исследованиях личности. Показательна попытка Л.Я. Дорфмана определить дополнительные ресурсы системного подхода в рамках эмпирической количественной психологии. Как подчеркивает исследователь, «в основание системного подхода закладывается не только идея сходства, а идеи и сходства (единство универсума), и различий

(многообразие универсума)». Тем самым уравниваются тенденции к интеграции и дифференциации, синтезу и анализу, дедуктивные и индуктивные схемы исследований³. Однако «идея единства человека, человека как системы, не является... бесспорной. По меньшей мере, эта идея является неполной... вера в полное единство личности не подтверждается фактами» [7. С. 47–49].

В.А. Петровский выстраивает перспективу создания нового направления психологических исследований – трансфинитной психологии как «психологии синтеза опытной и внеопытной форм познания-видения мира, взаимоопосредствования трансцендентального и эмпирического» [14. С. 278]. По словам исследователя, «эмпирическая психология отнеслась без должного внимания к идее существования трансцендентального субъекта, однако не затруднилась предложить принципы организации психической жизни и поведения, содержащие в себе эту идею имплицитно» [15. С. 15].

В связи с этим следует отметить, что философия не только ориентирует на личность, но может предложить богатый опыт в области персонологического познания. Безусловно, у философии и науки разные контексты, и прирост научного знания происходит со стороны науки. Однако значимость философских координат для психологии сложно переоценить. Философское познание ориентирует нас не только на положительное персонологическое знание, но создает определенную ориентацию в плане того, каких «перегибов» следует опасаться. В этом отношении показателен постмодернистский плюрализм, становящийся своеобразным образцом для развития современной науки [5], но в котором мы сталкиваемся как раз с феноменом исчезновения личности (у Ж. Делеза, например, личность сводится к предложению в тексте), со «смертью субъекта».

Психологическая наука, на наш взгляд, вполне может претендовать на формирование новой персонологической парадигмы с доминантой на феномене *личностного*, замыкающем на себя всю психологическую проблематику, становящемся интегративным компонентом в системе психологического знания, который определяет единство и устойчивость всей системы, ее целостность. Можно предположить, что персонологическая парадигма может стать интегративной для парадигмального опыта психологической науки в целом. Ключевым моментом

³ Л.Я. Дорфман и Е.В. Дудорова обращаются к теории холономности, сердцевину которой составляет систематизированное знание о холоне. По данным Л.Я. Дорфмана, в 1967 г. Koestler ввел понятие «холон» для описания комплексных сущностей, таких, например, как организмы и люди. Холон есть характеристика индивидуально-одновременно (а) как целого и (б) как активной части более широкого, чем индивидуальное, целого. Важнейшие признаки холона – дополнительность и уровневость. Целое и части являются противоположными сущностями, которые не столько противостоят, сколько дополняют друг друга. Динамике существования целого сопутствует динамика существования частей [7. С. 52].

построения такой парадигмы должна стать рефлексия категориального аппарата психологической науки на основе глубинного философского осмысления центральной для психологии категории «личность».

На пути к персонологической парадигме: психология в координатах философско-персонологического дискурса. Т. Кун в работе «Структура научных революций» отмечает: «...нормальная наука обычно держится от творческой философии на почтительном расстоянии... Но это не означает, что поиски предположений... не могут быть эффективным способом для ослабления власти старых традиций над разумом и выдвижения основы для новой традиции» [9. С. 139–140]. Что же особо ценного может предложить философия в отношении понимания личности? Прежде всего необходимо указать, что персонологический дискурс философии имеет достаточно глубокие корни, уходящие в основном в эпоху Средневековья. В трудах Августина Блаженного, Максима Исповедника, Фомы Аквинского личность получает предельное осмысление в соотношении с персонализированной Истиной. В последующие эпохи, вплоть до начала XX в., проблема личности отчасти теряет свое центральное значение и затрагивается только в отдельных аспектах, в частности у И. Канта (личность как этический феномен). В XX в. наиболее фундаментальные представления о личности мы находим в трудах русских религиозных философов – В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, В.В. Зеньковского, Л.П. Карсавина, В.Н. Лосского, С.Л. Франка. Центральное значение личность получает в персонализме, где рассматривается как смысл всей земной цивилизации (Э. Мунье, Ж. Лакруа, М. Шелер). Все представленные здесь направления более подробно проанализированы в диссертационной работе автора статьи [4].

Особо выделим концепцию «онтологического персонализма» современного греческого философа и православного богослова Хр. Яннараса [23]. Это цельная и последовательная философско-богословская концепция, опыт «неопатристического синтеза», где неопатристика входит в диалог с современной философской мыслью, прежде всего с Хайдеггером. Возвращение М. Хайдеггера к моменту, предшествовавшему субъект-объектной дихотомии знания, уничтожение разрыва между миром и Я – это те аспекты, которые Хр. Яннарас взял за основу своей концепции, поэтому личность получает у него неэссенциалистское метафизическое осмысление.

Обратим внимание на то, что Яннарас использует «личность» как лингвистический термин, чтобы выделить субъект не как данное бытие в себе, а как активный факт обращения и отношения и в то же время как некий «горизонт», открывающий соотнесенность существующих вещей. Греческий эквивалент термина «личность» – *prosopon* – образуется из двух частей: *pros* – в направлении кого-либо, *ops* – лицо или часть лица, относящаяся к глазам и взгляду. Поэтому именование

«личность» – *prosopon* указывает на акт обращенности, когда человек обращает свое лицо в направлении кого-то или чего-то, проявляя заинтересованность в установлении отношений, поскольку он всегда пребывает «напротив» другого или других людей или вещей. «Личность определяется как соотнесенность и отношение и сама определяет соотнесенность и отношение. Отношение есть “видообразующий признак” личности, ее дефиниция, ее коренное отличие от понятия статичной индивидуальности» [23. С. 93–95]. Отношение как уникальный, неоднородный и неповторимый факт побуждает каждую личность к активной обращенности во вне себя, «означает возможность превосходения своей природы, устремления к полноте и универсальности бытия, к упразднению его “частичности”» [23. С. 337].

Понимание личности, предложенное Хр. Яннарасом, очень близко русской философской традиции. Так, по С.Л. Франку, личность изначально наделена неразрушимым абсолютным смыслом, что обуславливает неприемлемость схемы механистически-внешней причинности и понятия закономерности в том же смысле, в каком оно употребляется в отношении телесно-предметного мира [20].

Особое место, но уже в философско-психологической литературе, занимает и труд С.Л. Рубинштейна «Человек и мир». Здесь впервые в советской психологии была представлена онтологическая концепция бытия, включающая субъекта, получившего не гносеологическое, а онтологическое объяснение, осуществляется попытка выхода к философским основаниям психологии [1]. Согласно С.Л. Рубинштейну, «обычное представление о субъекте познания как чисто индивидуальном... существе – фикция. Реально мы всегда имеем два взаимосвязанных отношения – человек и бытие, человек и другой человек (другие люди)» [18. С. 282]. За проблемой сознания и бытия автор обнаруживает более фундаментальную, исходную проблему – «о месте уже не психического, не сознания... во взаимосвязи явлений материального мира, а о месте человека в мире, в жизни» [Там же]. Одним из первых С.Л. Рубинштейн вводит в психологический оборот и такое, по сути, не функциональное для науки понятие, как бесконечность, говоря о диалектике человеческой жизни – ее конечности и вместе с тем бесконечности, о человеке как зеркале Вселенной.

Все представленные позиции высвечивают важный для глубинного постижения личности ракурс: личность – это особое присутствие в мире, которое как бы «взрывает» ситуацию (С.Л. Рубинштейн), непрерывно выходит за собственные пределы. Еще *до* включения в деятельность, *до* интеграции в систему социальных отношений, личность *уже есть* как присутствие, как «простая цельность» (М. Хайдеггер), как особый модус бытия. Этот аспект, на наш взгляд, не получил пока должного осмысления в психологии.

Обращение к философской аналитике личности с необходимостью подводит к анализу категории отношения. Мы могли заметить, что в представленных выше философских позициях эта категория затрагивается как ключевая для глубинного понимания личности. В связи с этим отметим, что В.Н. Мясищев в своей концепции личности как ансамбля отношений прочувствовал одну из важнейших сторон, которая позволяет подойти к личности именно как сверхчувственному образованию. Проблема в том, что методологическая основа, на которой В.Н. Мясищев строил свою концепцию, имманентно содержала в себе ограничения. Отношение, очевидно, не есть только форма отражения, но является глубинной основой личности, выступающей как предпосылка проявления вещей, а потому как целое, всеобщее [13. С. 113]. Личность не просто «формируется», «включается», «отражает», но прежде всего являет себя как *присутствие*, как возможность отнесенности к Другому, как возможность *быть напротив*.

Таким образом, можно предположить, что в качестве основы возрастания личности следует рассматривать формирование *рефлексии возможности отношения* и как таковой *способности отношения*, связанных с осознанием субъектом того, что он потенциально является условием существования и развития Других как личностей: Я не просто что-то могу или не могу, не просто могу поступить так или иначе, но *до* всего этого, даже *до* всякого действия Я *присутствую* в мире и самым фактом своего присутствия что-то значимое открываю, транслирую для Другого; имманентно содержа в себе *возможность* отношения, Я могу так или иначе (уже как-то конкретно) относиться (к чему-то, к кому-то) и именно потому несу ответственность за любой свой выбор. Ответственность в этом случае непосредственно соотносится с тем, как Я распоряжусь *возможностью* отношения.

В таком понимании способность отношения требует очень бережного взращивания. Подведение к осознанию факта *со-причастности, со-присутствия, со-бытия*, направленность на осознание глубинного смысла своего присутствия в мире через отношение к Другому – это может стать смысловым приоритетом любой ступени образования. Личность имманентно содержит в себе неотменяемый смысл, и через этот смысл происходит установление уже совершенно конкретных, основанных на осознании своей неотменяемой ответственности за Другого социальных, профессиональных, собственно межличностных отношений.

В парадигмальном плане здесь намечается путь к формированию персонологической парадигмы психологии, не исключающей ни технологических трансформаций и ее практикоориентированности, ни установления межпарадигмальных связей и сетевого подхода, но выполняющей функцию интеграции и смысловой ориентации всех этих изменений. На наш взгляд, любые парадигмальные трансформации

психологической науки обязательно должны согласовываться с опытом претерпевания человеком мира⁴, в полной мере относиться к *этому* опыту, к целостному бытию личности в мире, а не к отдельным его аспектам или сугубо к внутринаучной теоретической рефлексии. Предполагается, что именно такая установка должна стать ключевой для персонологической парадигмы психологической науки.

Литература

1. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М. : Академия, 2001. 592 с.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М. : Академия, 2007. 528 с.
3. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М. : ИП РАН ; СПб. : Алетейя, 2003. 272 с.
4. Бугрова Н.А. Концепт «целостность личности» как теоретико-методологическое основание интеграции философского и христианско-богословского персонологического дискурса : дис. ... канд. филос. наук. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств, 2011. 200 с.
5. Гусельцева М.С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 5–15.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб. : Владимир Даль, 2004. 399 с.
7. Дорфман Л.Я., Дудорова Е.В. Культурный потенциал личности в зеркале системного (холономного) подхода // Системные исследования культуры–2005 / науч. ред. В.С. Жидков. СПб. : Алетейя, 2006. С. 47–74.
8. Зинченко В.П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Тр. Ярослав. методол. семинара (методология психологии). Ярославль : МАПН, 2003. Т. 1. С. 98–134.
9. Кун Т. Структура научных революций : пер. с англ. М. : АСТ : Ермак, 2003. 365 с.
10. Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Познание, понимание, конструирование / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : ИФРАН, 2007. С. 5–29.
11. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. Т. 1, № 1. С. 15–25.
12. Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психол. журн. 2006. Т. 27, № 1. С. 23–34.
13. Мясницев В.Н. Психология отношений / под ред. А.А. Бодалева. М. : Изд-во Мос. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 400 с.
14. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 512 с.
15. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М. : Горбунок, 1992. 224 с.
16. Пикок А. Богословие в век науки: Модели бытия и становления в богословии и науке : пер. с англ. М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2004. 416 с.
17. Психология и философия: Возвращение души / отв. ред. Б.С. Братусь, С.Н. Бычков. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. 198 с.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб. : Питер, 2003. С. 281–426.

⁴ В данном контексте имеется в виду опыт переживания, преодоления главным образом негативных состояний напряженности, тревоги, отчужденности и т.п.

19. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология: Новые перспективы свободы и рациональности. СПб. : Алетейя, 2002. 677 с.
20. Франк С.Л. Душа человека // Франк С.Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. С. 3–206.
21. Эшштейн М.Н. Философия возможного. СПб. : Алетейя, 2001. 334 с.
22. Юревич А.В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 3–17.
23. Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос : пер. с греч. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2005. 480 с.

THE PHENOMENON OF PERSONALITY AND PRIORITIES OF MEANING IN PSYCHOLOGICAL SCIENCE IN THE BEGINNING OF THE THIRD MILLENNIUM

Bugrova N.A. (Kemerovo)

Summary. The article analyzes the possibilities and preconditions of personological paradigm in psychology. It demonstrates that psychology is in need of philosophical reflection of paradigmatic transformations, and their focus on resolution of contradictions of human existence. “Personological turn,” which is established in modern philosophy, is regarded as an essential prerequisite for such a reflection. Personological paradigm is understood as systematizing and integrating all the paradigmatic experience of psychological science.

Key words: methodological crisis in psychology; philosophical reflection; paradigm; paradigmatic transformation; personality; personological discourse.